

# Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Данило Бесщастный



Во городе Киеве у нашего князя Владимира много слуг и крестьян, да был при нём Данило Бесщастный дворянин: придёт день воскресный – Владимир-князь всем по рюмке горького подаст, а ему в горб да в горб; придёт большой праздник – кому награда, а ему всё ничего! Накануне было светлого воскресения, во страстную субботу, зовёт Владимир-князь Данилу Бесщастного, отдаёт ему на руки сорок сороков соболей, велит к празднику шубу сшить: соболю не делан, пуговицы не литы, петли не виты; в пуговицах наказано лесных зверей заливать, в петлях заморских птиц зашивать.

□Опостылела Даниле Бесщастному работа, бросил – пошёл за ворота, пошёл ни путём ни дорогою и слёзно плачет. Идёт ему навстречу старая старуха:

– Мотри, Данило, не распороть бы те брюха! О чём ты, Бесщастный, плачешь?

– Ах ты, старая пузырьница, – пузырьём ж... заплачена, лихорадкой

подхвачена! Поди прочь, мне не до тебя!

Отошёл немного и думает: «Зачем я её разбранил!» Стал к ней подходить и такие речи говорить:

– Бабушка-голубушка! Прости меня; вот моё горе: дал мне Владимир-князь сорок сороков неделанных соболей, чтоб завтра шуба поспела; были бы часты пуговицы литые, шёлковые петли витые; в пуговицах были бы львы золотые, а в петлях были бы птицы заморские завиты – пели бы, распевали! А где мне того взять? Лучше за стойкой чарку водки держать!

□Говорит ему старуха заплатано брюхо:

– А, теперь бабушка-голубушка! Поди же ты к синему морю, стань у сырого дуба; в самую полночь сине море всколыхается, выйдет к тебе Чудо-Юдо, морская губа, без рук, без ног, с седой бородою; ухвати его за бороду и бей по тех пор, пока Чудо-Юдо спросит: за что ты, Данило Бессчастный, бьёшь меня? А ты отвечай: хочу, чтоб явилась передо мной Лебедь-птица, красная девица, сквозь перьев бы тело виднелось, сквозь тело бы кости казались, сквозь костей бы в примету было, как из косточки в косточку мозг переливается, словно жемчуг пересыпается.

Пришёл Данило Бессчастный к синю морю, стал у сыра дуба. В самую полночь сине море всколыхалось, вышло к нему Чудо-Юдо, морская губа, без рук, без ног – одна борода седая! Ухватил его Данило за ту бороду и принялся бить о сырую землю. Спрашивает Чудо-Юдо:

– За что ты бьёшь меня, Данило Бессчастный?

– А вот за что: дай мне Лебедь-птицу, красную девицу, сквозь перьев бы тело виднелось, сквозь тело бы – косточки, а из косточки в косточку мозг бы переливался, словно жемчуг пересыпался.

□Через малое время плывёт Лебедь-птица, красная девица; приплывает к берегу и говорит таково слово:

– Что, Данило Бессчастный, от дела лытаешь или дела пытаешь?

– Ах, Лебедь-птица, красная девица! Где от дела лытаю, а где вдвое пытаю. Вот Владимир-князь дал мне шубу сшить: соболь не делан, пуговицы не литы, петли не виты!

– Возьмёшь ли меня за себя? В те поры всё будет сделано!

Начал он думу думать: как возьму её за себя?

– Ну, Данило, что думаешь?

– Нечего делать, возьму за себя.

Она крылышками махнула, головкой кивнула – вышли двенадцать молодцев, все плотники, пильщики, каменщики, и принялись за работу: сейчас и дом готов! Берет её Данило за правую руку, целует во уста сахарные и ведёт в палаты княжеские; сели они за стол, пили-ели, прохлаждалися, за одним столом обрuchалися.

– Теперь, Данило, ложись-почивай, ни о чём не помышляй! Всё будет готово.

□ Уложила его спать, сама вышла на хрустальный крылец, крылышками махнула, головкой тряхнула:

– Родимый мой батюшка! Подавай мне своих мастеров.

Явились двенадцать молодцев и спрашивают:

– Лебедь-птица, красная девица! Что прикажешь делать?

– Сейчас шейте мне шубу: соболи не деланы, пуговицы не литы, петли не виты.

Принялись за работу; кто соболь делает да шубу шьёт, кто куёт – пуговицы льёт, а кто петли вьёт, и вмиг шуба на диво сработана. Лебедь-птица, красная девица, подходит и будит Данилу Бессчастного:

– Вставай, милый друг! Шуба готова, а в городе Киеве у князя

Владимира слышен благовест; время тебе подняться, к заутрене убраться.

Данило встал, надел шубу и пошёл. Она глянула в окошечко, остановила, дала ему серебряну трость и наказывает:

– Как выйдешь от заутрени – ударь ею в грудь; весело птицы запоют, грозно львы заревут. Ты сьмай шубу с своих плеч да уряди<sup>[1]</sup> князя Владимира в тот час, не забывал бы он нас. Станет он тебя в гости звать, станет чару вина подавать – не пей чару до дна, а выпьешь до дна – не увидишь добра! Да не хвались ты мною; не хвались, что за едину ночь дом построили с тобою.

Данило взял трость и отправился; она опять его воротила, подаёт ему три яичка: два серебряные, одно золотое, и говорит:

– Серебряными похристосуйся со князем, со княгинею, а золотым – с кем тебе век прожить.

□Распростился с нею Данило Бессчастный и пошёл к заутрене. Все люди удивляются:

– Вот Данило Бессчастный каков! И шуба поспела у него к празднику.

После заутрени подходит он ко князю со княгинею, начал христосоваться и вынул нечаянно золотое яйцо. Увидел это Алёша Попович, бабий пересмешник. Стали расходиться из церкви, Данило Бессчастный ударил себя в грудь серебряной тростью – птицы запели, львы заревели, все удивляются, на Данилу глядят; а Алёша Попович, бабий пересмешник, перерядился нищим-каlikою и просит святой милостыньки. Все ему подают, только один Данило Бессчастный стоит да думает: «Что я-то подам? Нет ничего!» Ради праздника великого подал ему золотое яичко. Алёша Попович, бабий пересмешник, взял то золотое яйцо и переоделся во своё платье прежнее. Владимир-князь позвал всех к себе на закуску. Вот они пили-ели, прохлаждались, собой величались. Данило пьян напивается, спьяну женой похваляется. Алёша Попович, бабий пересмешник, стал на пиру хвастаться, что

он знает Данилину жену; а Данило говорит:

– Коли ты знаешь мою жену – мне рубить голову, а коли не знаешь – тебе рубить голову!

□Пошёл Алеша – куда глаза глядят; идёт да плачет. Попадается ему навстречу старая старуха:

– О чём ты плачешь, Алеша Попович?

– Отойди, старуха-пузырница! Мне не до тебя.

– Ладно же, пригожусь и я тебе!

Вот он начал её спрашивать:

– Бабушка родимая! Что ты мне сказать хотела?

– А, теперь бабушка родимая!

– Да вот я похвастался, что знаю жену Данилину...

– И-и, батюшка! Где тебе её знать? Туда мелкая пташка не залетывала. Поди ты к такому-то дому, зови её к князю обедать; она станет умываться, собираться, положит на окно цепочку; ту цепочку ты унеси, и покажь её Даниле Бесщастному.

Вот подходит Алёша к косящату окну, зовёт Лебедь-птицу, красную девицу, на обед к князю; она стала было умываться, наряжаться, на пир собираться: в то самое время унёс Алёша цепочку, побежал во дворец и казал её Даниле Бесщастному.

– Ну, Владимир-князь, – говорит Данило Бесщастный, – вижу теперь, что надо рубить мою голову; позволь мне домой сходить да с женой проститься.

□Вот приходит домой:

– Ах, Лебедь-птица, красная девица! Что я наделал: спьяну тобой похвалился, своей жизни лишился!

– Всё знаю, Данило Бесщастный! Поди зови к себе в гости и

князя с княгиней и всех горожан. А станет князь отзываться на пыль да на грязь, ныне-де пути недобрые, сине море всколыхалось, топи зыбкие открылись, – ты скажи ему: не бойся, Владимир-князь! Через топи, через реки строены мосты калиновые, перево́дины<sup>[2]</sup> дубовые, устланы мосты сукнами багровыми, а убиты всё гвоздями полужёнными: у добра молодца сапог не запылится, у его коня копыто не замараётся!

Пошёл Данило Бессчастный гостей звать, а Лебедь-птица, красная девица, выступила на крылечко, крылышками тряхнула, головкой кивнула – и сделала мост от своего дома до палат князя Владимира: весь устлан сукнами багровыми, а убит гвоздями полужёнными; по одну сторону цветы цветут, соловьи поют, по другую сторону яблоки спеют, фрукты зреют.

□Срядился князь со княгиней в гости и поехал в путь-дорогу со всем храбрым воинством. К первой реке подъехал – славное пиво бежит; около того пива много солдат попадало. К другой реке подъехал – славный мёд бежит; больше половины войска храброго тому мёду поклонилось, на бок повалилось. К третьей реке подъехал – славное вино бежит; тут офицеры кидались, допьяна напивались. К четвёртой реке подъехал – бежит крепкая водка, тому же вину тетка; оглянулся князь назад, все генералы на боку лежат. Остался князь сам-четвёрт: князь со княгиней, Алёша Попович, бабий пересмешник, да Данило Бессчастный. Приехали гости званые, вошли в палаты высокие, а в палатах столы стоят кленовые, скатерти шёлковые, стулья раскрашо́ные; сели за стол – много было разных кушаньев, а напитков заморских не бутыли, не штофы – реки целые протекли! Князь Владимир со княгиней не пьют ничего, не кушают, только смотрят: когда ж выйдет Лебедь-птица, красная девица?

□Долго за столом сидели, долго её поджидали: время и домой собираться. Данило Бессчастный звал её раз, и другой, и третий – нет, не пошла к гостям. Говорит Алёша Попович, бабий пересмешник:

– Если б это сделала моя жена, я б её научил мужа слушать!

Услыхала то Лебедь-птица, красная девица, вышла на крылечко, молвила словечко:

– Вот-де как мужей учат!, – крылышком махнула, головкой кивнула, взвилась-полетела, и остались гости в болоте на кочках: по одну сторону море, по другую – горе, по третью – мох, по четвёртую – ох! Отложи, князь, спесь, изволь на Данилу верхом сесть. Пока до палат своих добрались, с головы до ног грязью измарались! Захотелось мне тогда князя со княгиней повидать, да стали со двора пихать; я в подворотню шмыг – всю спину сшиб!

---

[1] – Надень, наряди, набрось (Ред.).

[2] – Перила (Ред.).

(Голосов: **1**. Рейтинг: **5,00** из 5)

Загрузка...